

Немного погодя, ушедшій Курапцовъ возвращается и приглашаетъ Фомина къ режиссеру.

— Вы что это, любезнѣйшій, не хотите исполнять своихъ обязанностей? спрашиваетъ его режиссеръ.

— Какихъ это? спрашиваетъ Фоминъ, въ свою очередь.

— Вы назначены сегодня для уборки мебели.

— Кому жъ это пришла въ голову такая нелѣпость? снова спрашиваетъ Фоминъ усмѣхнувшись.

— Ну, вы, почтеннѣйшій, не разсуждайте!.. Идите-ка, одѣвайтесь!

— Да вы никакъ рехнулись? произнесъ Фоминъ своимъ ровнымъ, покойнымъ голосомъ, и хотѣлъ-было идти въ уборную продолжать прерванное чтеніе, какъ самъ начальникъ репертуарной части подходитъ къ режиссеру. Режиссеръ не замедлил доложить начальнику объ ослушаніи Фомина. Начальникъ вознегодовалъ: его желтое, сухое и морщинистое лице перекосилось, и, заикаясь на каждомъ словѣ, онъ обратился къ Фомину съ строжайшимъ выговоромъ:

— Ка... ка... какъ вы смѣ...смѣ...смѣли пре...преословить... ослу...ослу...шиваться на...на...начальства?.. Вы должны дѣлать все, что вамъ прикажутъ...

— А если мнѣ прикажутъ чистить сапоги, или полы мыть?

— И дол...дол...должны!..

— Ну, нѣтъ съ! Не для того отецъ платилъ за меня десять лѣтъ въ театральное училище.

— Не... не... не разговаривать!.. Будете носить стулья и кресла...

— Понесу и диванъ, если за другой его конецъ возьметесь вы, проговорилъ Фоминъ совершенно спокойно и, повернувшись, пошелъ въ уборную.

— Подъ... подъ... арестъ его!.. И по... по... потому во... во... вонъ изъ должности!.. кричалъ, задыхаясь отъ поднимающейся желчи, начальникъ репертуарной части...

Однако-жь, Фомины не только не ушелъ вонъ изъ должности, но и подъ арестомъ не остался (хотя ему и было заявлено о томъ официально). Словомъ, дѣлу не было дано ходу, такъ какъ о подобномъ происшествіи ни доложить, ни рапортовать директору *не посмѣли*, ни начальникъ репертуарной части, ни режиссеръ.

И такъ, благодаря энергіи Фомина, одинъ изъ экономическихъ театральныхъ источниковъ изсякъ, не успѣвши оросить своими плодотворными струями закулисную трясину, на утоленіе полезной жажды нововводителей.

Надо знать, что режиссеръ обращался къ маленькимъ актерамъ ко всемъ одинаково, безъ различія пола, съ своей прирожденною официантскою деликатностью. Не рѣдко, на репетиціяхъ, приходилось слышать, какъ онъ кричалъ на молодыхъ актрисъ:

— Ей, ей, **мамзели!** Не зѣвайте!..

На то-же, что подобное обращеніе многихъ актрисъ заставляло плакать отъ оскорбленія, въ тѣ патріархальныя времена не только что поваромъ-режиссеромъ не обращалось вниманія, но и всемъ присутствующимъ казалось, что такъ оно и быть должно. Да, кажется, и сами-то несчастныя маленькія актрисы оскорблялись подобными выходками лишь въ первый годъ по выпускѣ изъ училища, а потомъ... ничего!.. Къ концу двадцатаго года службы *обдерзивались* и *привыкали*, и, наконецъ, убѣждалсь, что, получая окладъ въ *«одинадцать рублей шесть гривенъ»*, нельзя имѣть претензій не только на уваженіе, но даже и на вѣжливость официанта, получающаго чуть-ли не тысячу рублей въ мѣсяць...

Помню, какъ однажды любезность режиссера *ошеломила* (только подобное выраженіе приличествуетъ таковымъ выходкамъ) молодую актрису Вильгельмину Яковлевну Авенаріусъ, которая, бывши воспитанницей, считалась очень талантливою, и прямо изъ училища была *командирована* на службу (для практики) въ Тифлисъ, на сцену тамошняго театра *), гдѣ и успѣла заслужить любовь публики. По возвращеніи въ Петербургъ, директоръ приказалъ назначить ей дебютъ, для котораго Авенаріусъ выбрала роль въ водевилѣ: «Харьковскій женихъ». Надо сказать, что Авенаріусъ и въ училищѣ считалась «тихенькой», отличаясь большою скромностью и необыкновенной деликатностью. Въ Тифлисъ-же она была принята (какъ и ея сослуживицы) во всехъ лучшихъ семейныхъ домахъ и даже въ домѣ самого намѣстника, пользуясь не только вниманіемъ, но и любовью всего его семейства. Каково же было ея удивленіе, когда на репетиціи своего дебюта въ Петербургѣ, сдѣлавши неправильное удареніе въ какомъ-то словѣ, ей довелось услышать отъ господина режиссера такую фразу:

— Мамзель! на русской сценѣ нельзя говорить по-нѣмецки (Авенаріусъ по происхожденію нѣмка), а по-русски это слово произносится *такъ-то...*

Само собою разумѣется, что Авенаріусъ переконфузилась, голосъ ея дрожалъ, на глазахъ навертывались слезы, и она едва-едва смогла продолжать репетицію...

Но не думайте, что режиссерская деликатность въ обра-

*) Въ Тифлисъ, въ то-же время, были еще командированы: г-жи Цвѣткова, Медвѣева, Зябкина, Федорова, г. Воробьевъ, Аббе, Сергѣевъ, Фоминъ, два брата: Константинъ и Николай Максимовы (все прямо изъ училища) и, кромѣ того, г. Яблочкинъ, въ качествѣ актера и режиссера.

щеніи съ дѣвицами только этимъ ограничивалась, — нѣтъ, она шла несравненно дальше. Вотъ тому примѣръ:

Въ драматическую труппу поступила *съ воли* (т. е. не бывши воспитанницей) очень молоденькая особа Шел—ва, дочь талантливаго и заслуженнаго артиста балетной труппы, пользовавшагося общимъ уваженіемъ, какъ артистъ и человѣкъ (г-жа Ш—ва впоследствии жена великаго артиста А. Е. Март—ва).

Однажды, на репетиціи, режиссеръ что-то замѣтилъ ей по своему поварскому методу, а она напомнила ему о вѣжливости; тогда режиссеръ, пораженный такою дерзостью, излилъ свое благородное негодованіе слѣдующею фразою, произнесенною его невозмутимымъ, монотоннымъ голосомъ.

— Тоже разговариваетъ! — **губастая!**

Съ актрисою сдѣлалась истерика... Не кончивъ репетиціи, Шел—ва уѣхала изъ театра, въ который уже и не возвращалась... Но только на другой день, во время репетиціи, на сцену вошелъ ея отецъ и, обратясь къ актерамъ, сказалъ:

— Господа, позвольте прервать васъ... Я не задержу, я только скажу нѣсколько словъ вашему режиссеру. И, подойдя къ режиссеру, сидѣвшему, по обыкновенію, на аванъ-сценѣ, онъ произнесъ громко и отчетливо: Вчера вы при всѣхъ оскорбили мою дочь, сегодня я счелъ нужнымъ при всѣхъ-же сказать вамъ, что оскорблять женщину способенъ только *невѣжа, дуракъ и негодяй!*—Послѣ этой фразы Шел—въ, поклонясь актерамъ, сказалъ: «Извините, господа, что прервалъ ваши занятія».

Такой *афронтъ* поразилъ всѣхъ, кромѣ... *режиссера, который, не моргнувъ глазомъ* и не измѣняя голоса, спросилъ Шел—ва:

— Вы окончили?

— Кончилъ! отвѣчалъ Шел - въ.

— Продолжайте, господа! сказали режиссеръ ошеломленнымъ актерамъ.

Выше я сказалъ, что режиссеръ мѣшалъ два дѣла, которыя отнюдь между собою не вяжутся. Одно изъ этихъ дѣлъ, какъ видно изъ только что описаннаго, заключалось въ нанесеніи (кому только можно) колкостей, оскорбленій, обидъ и тому подобнаго; второе же—**религія**. Строжайшее исполненіе христіанскихъ обязанностей и виѣшняго благочинія, какъ-то: соблюденіе постовъ, посѣщеніе храма каждый праздникъ неуклонно, стояніе въ храмѣ въ продолженіи всей службы *неподвижно*, т. е. не переминаясь съ ноги на ногу, вслѣдствіе усталости, не поворачивая головы направо, или на лѣво, съ знакомыми не только не разговаривать, но и не отвѣчать на поклоны, креститься *большимъ* крестомъ и кланяться *поясными* поклонами, а гдѣ нужно—*земными*. Субботніе вечера посвящались домашнему чтенію священнаго писанія и разсужденію о прочитанномъ. На эти вечера допускались только избранныя. Изъ среды театральной таковаго избранія удостоивался лишь Алексѣй Михайловичъ Максимовъ, которому режиссеръ (посѣщая его во время частыхъ болѣзней) всегда читалъ *краткія поученія* о добродѣтеляхъ вообще и о воздержаніи въ особенности... Читывались, изрѣдка, и поученія «о любви къ ближнимъ», о «непамятозлобіи» и «прощеніи обидъ». Поученія эти читывались до того краснорѣчиво, и настолько бывали пропитаны духомъ христіанства, что если, бывало, случалось ихъ слышать, то смотришь на поучающаго и невольно задаешься мыслію: *«хватаетъ-же у челоуѣка смѣлости такъ легко и безцеремонно относиться къ такому высокому предмету?...»* А иногда, такъ просто, бывало, вспомнишь фразу Гоголев-

скаго Земляники: «*Эка, бездѣльникъ, какъ расписываетъ... дамся-же ему такой даръ!*»

Въ драматической группѣ находились двѣ замѣчательныя личности: Александръ Ивановичъ Петровъ и Викторъ Васильевичъ Прусаковъ. Оба были не безъ таланта и обращали на себя вниманіе многими комическими ролями. Въ «Ревизорѣ» они играли Добчинскаго и Бобчинскаго и были весьма оригинальны и типичны, какъ по исполненію, такъ и по наружности (они были низкаго роста, коренасты и фигурами очень схожи между собою). Словомъ, это были лучшіе на нашей сценѣ Добчинскій и Бобчинскій; послѣ-же Прусакова и Петрова роли эти стали исполняться какъ-то балаганно. Прусаковъ, кромѣ многихъ хорошо исполняемыхъ ролей, былъ неподражаемъ въ роли табачнаго фабриканта въ драмѣ «Сюливанъ»; Петровъ-же замѣчательно хорошо исполнялъ роль «Мурашева» въ водевилѣ «Архивариусъ» и отличался въ *безсловесной* роли въ комедіи «Горе отъ ума». Петровъ только танцевалъ на балу Фамусова, чѣмъ всегда производилъ фуроръ. Безъ смѣха невозможно было видѣть его маленькую, приземистую фигурку; но смѣшилъ онъ, отнюдь не прибѣгая къ пошлымъ, балаганнымъ фарсамъ, какіе впоследствии позволяли себѣ, въ той-же пьесѣ, назначаемые для танцевъ фигуранты балетной труппы. Нѣтъ, Петровъ танцевалъ безукоризненно, прилично, солидно и по всѣмъ правиламъ танцевальнаго искусства, не позволяя себѣ ни малѣйшей утрировки ни въ одеждѣ, ни въ гримированіи; онъ танцевалъ въ мундирѣ армейскаго офицера *со своимъ* лицомъ. Смѣшило то, что въ Петровѣ ясно былъ виднѣнъ офицеръ, придающій громадное значеніе тому, что успѣлъ изучить танцы въ совершенствѣ, чѣмъ и не мало гордится, но, въ то-же самое время, робѣетъ, чтобы не сдѣлать какой-

нибудь ошибки. Видно было, что офицеръ не танцуетъ для собственнаго удовольствія, но усердно работаетъ, желая удивить общество. По окончаніи танцевъ, Петровъ отходилъ въ сторону и украдкою вытиралъ потъ съ лица, что всегда встрѣчалось дружнымъ аплодисментомъ... Кроме того, Петровъ всегда вызывалъ дружный взрывъ хохота тѣмъ, что, во время «мазурки», преклоняя колѣна передъ дамою, онъ подъ это колѣно быстро подбрасывалъ носовой платокъ... И это нельзя было считать неумѣстнымъ фарсомъ, такъ какъ въ этомъ дѣйствіи просвѣчивалась та идея, что танцоръ, несмотря на свое (воображаемое имъ) торжество, не забывалъ, что средства его, какъ армейскаго офицера, чрезчуръ ограничены и что надѣтые на балъ новые рейтузы всячески слѣдуетъ охранять отъ порчи...

Однако-жъ, и Прусаковъ, и Петровъ, несмотря на свои способности, оба не имѣли *зоду*: играли только по необходимости, потому что не пользовались благоволеніемъ режиссера; чему причиною была ихъ слабость, благодаря которой они, иногда, являлись въ театрѣ въ ненормальномъ состояніи; но режиссеръ не благоволилъ имъ вовсе не ради ихъ порока, а за то, что, находясь подъ его вліяніемъ, они позволяли себѣ выходки, не нравящіяся режиссеру. Такъ, напримеръ, однажды доносятъ режиссеру, что Петровъ не можетъ исполнить своей роли, такъ какъ явился въ театрѣ ужъ чрезчуръ въ ненормальномъ состояніи. Режиссеръ входитъ въ уборную и видитъ Петрова преспокойно лежащимъ навзничъ, съ руками, подложенными подъ голову, въ большой камышевой корзинѣ на костюмахъ.

— Что, несчастный, опять пьянъ? спрашиваетъ режиссеръ, съ презрѣніемъ смотря на Петрова, поглаживая усы.

Петровъ-же, вытараща свои большіе, черныя глаза, долго въ упоръ смотрѣлъ въ лице режиссера, словно разсматривая какую нибудь рѣдкость. Потомъ воскликнулъ хриплымъ голосомъ:

— Какое благородное лице у этого господина! О, душка!..

— Ничего больше не остается, какъ выгнать изъ театра!.. язвительно произнесъ режиссеръ.

— Душка! не смѣй быть такъ хорошъ!.. прохрипѣлъ Петровъ во все горло...

Само собою, что на Петрова писались рапорты, вслѣдствіе которыхъ онъ подвергался и арестамъ, и штрафамъ, но, конечно, не исправлялся, и при удобномъ случаѣ опять солилъ режиссеру, а режиссеръ, съ своей стороны, считалъ непремѣннымъ долгомъ, при всякомъ случаѣ, солить Петрову.

Что-же касается Прусакова, то онъ, въ часы *ненормальности*, на замѣчанія режиссера отвѣчалъ всегда однимъ и тѣмъ-же: широко разставя ноги, заложивъ лѣвую руку въ карманъ брюкъ, а правую руку сжавъ въ мощный кулакъ и жестигулируя ею передъ своимъ лицомъ, читалъ на французскомъ діалектѣ басню: «Пѣтухъ и жемчужное зерно», произнося французскія слова самымъ грубымъ русскимъ жаргономъ, причемъ его красное и лоснящееся лице принимало страшно-свирѣбое выраженіе... Если режиссеръ не отходилъ прочь, то Прусаковъ, окончивъ басню, тотчасъ-же, не переводя духу, начиналъ читать ее снова громче прежняго и всегда одерживалъ верхъ, т. е. режиссеру, наконецъ, надоѣдало слушать чтеніе, и онъ оставлялъ чтеца въ покоѣ *).

*) В. В. Прусаковъ, выйдя на пенсіонъ, игралъ съ большимъ успѣхомъ на провинціальныхъ сценахъ, а А. И. Петровъ по-

Со вступленіемъ въ должность новаго начальника репертуарной части, настала конецъ полновластью режиссера, отчего, однако-жь, по справедливости, искусство несколько не выиграло, такъ какъ начальникъ хотя и прослужилъ въ театральномъ вѣдомствѣ несчетное количество лѣтъ *), но въ искусствѣ ровно ничего не смыслилъ...

Это былъ одинъ изъ представителей того чиновничества, типъ котораго давно уже уничтожился и отошелъ въ вѣчность. Въ былыя времена, чиновники велись цѣлыми поколѣніями, такъ какъ чиновникомъ сдѣлаться было весьма нетрудно: для этого нужно было лишь потрудиться имѣть родителемъ чиновника и достигнуть извѣстнаго возраста; наукъ-же проходить не требовалось, кромѣ умѣнья *очинять* гусиный перья (стальныхъ въ тѣ времена еще не знали) и современемъ достигнуть способности *переблывать* бумаги, причемъ на грамматику слишкомъ строгаго вниманія не обращалось. И такъ; эти двѣ способности, т. е. *очинка* и *переблвка*, и воспроизводили чиновниковъ (разумѣется, *мелкихъ*). Процессъ этотъ совершался очень просто, а именно: отецъ *приписывалъ* сынишку, лѣтъ 14—15, къ департаменту, въ которомъ и самъ гнѣздилился отъ юности до сѣдинъ, начавъ карьеру подъ крылышкомъ своего родителя, и сынишка учился писать казенными чернилами и на казенной бумагѣ, за что, однако-жь, полу-

лучилъ пенсіонъ весьма малый, такъ какъ не дослужилъ полнаго числа лѣтъ по причинѣ увѣчья. Онъ, играя жидка въ пьесѣ „Блокада Ахты“, упалъ съ лошади и переломилъ ногу, которую залѣчили неудачно, и Петровъ сильно хромалъ, не могши ходить безъ палки. Прусаковъ и Петровъ давно уже умерли.

*) Въ началѣ моей службы, онъ былъ уже старикомъ, имѣя „диряжку“ чуть-ли не за XXX лѣтъ. Авт.

чалъ и жалованьице, сначала маленькое, но потомъ и побольше, а тамъ, глядишь — протерѣвъ извѣстное количество казенныхъ стульевъ, получалъ первый чинъ, вслѣдствіе чего и дѣлался уже настоящимъ чиновникомъ, переставая быть «*чиновникомъ, неимѣющимъ чина*», какъ тогда было принято называть ихъ. Часто родоначальникомъ такового поколѣнія чиновниковъ бывалъ губернской регистраціи кантонистовъ, вышедшій изъ среды (уничтожившейся уже корпораціи) кантонистовъ. Изъ этихъ птенцовъ, высиженныхъ на казенныхъ стульяхъ, происходили чиновники-дѣльцы, или по просторѣчю: «крючкотворы», изучившіе законы и дѣлопроизводство прямо на практикѣ, безъ всякихъ теорій. Таковые чиновники бывали необыкновенно горды и самолюбивы. Каждый изъ нихъ, съ полученіемъ перваго чина, въ разговорахъ употреблялъ слѣдующія выраженія: «нашъ братъ чиновникъ», или «изъ нашей среды — изъ благородныхъ»; со втораго-же чина, каждый «изъ благородныхъ» считалъ себя уже «баринкомъ». Если-же который изъ нихъ досиживался до коллежскаго совѣтника, то гордости его не было границъ, а высота его была недосыгаема, и онъ, по внутреннему убѣжденію, причислялъ себя къ «аристократіи»; для того-же, чтобы и другихъ убѣдить въ своемъ аристократизмѣ, онъ становился невѣжливъ, нахаленъ и грубъ въ обращеніи съ тѣми, разумѣется, кто отъ него зависѣлъ и кого самъ онъ не боялся *).

*) Таковые «аристократы» воспроизводились лишь до указа „объ экзаменахъ при производствѣ въ гражданскіе чины“; послѣ-же указа неучившіеся чиновники не шли дальше „титularнаго совѣтника“. Въ силу этого, въ разговорахъ о такихъ чиновникахъ, вошло въ употребленіе называть ихъ: „*въчнаго чина титularный совѣтникъ*“.

Чтобы не распространяться о неспособности начальника репертуарной части къ исполненію вѣренной ему должности, довольно припомнить слѣдующій фактъ: въ драматической труппѣ былъ выходнымъ актеромъ нѣкто Г...., неимѣвшій ни малѣйшей способности, но, между тѣмъ, чувствовавшій неодолимое влеченіе къ исполненію ролей высокихъ, сообразно своему росту *). Походивъ по сценѣ нѣсколько лѣтъ, онъ уѣхалъ въ провинцію, гдѣ и пробылъ довольно долгое время, дѣлая неизвѣстно что. Затѣмъ, снова являсь въ Петербургъ, онъ пожелалъ, ни больше, ни меньше, какъ замѣнить В. А. Каратыгина, для чего и предсталъ предъ новаго начальника репертуарной части съ заявленіемъ о дебютѣ въ роли «Прокопія Петровича», въ драмѣ «Смерть Ляпунова». Дебютъ былъ назначенъ безъ проволочекъ. Дебютъ состоялся и... батюшки-свѣты! что это было!! Много мнѣ доводилось видѣть какъ удачныхъ, такъ и неудачныхъ дебютовъ, но такихъ—никогда!.. Всякій другой дебютантъ при неудачѣ конфузится и теряетъ, чѣмъ самымъ внушаетъ состраданіе и жалость, но Г... своею неудачею вызывалъ негодованіе и отвращеніе; это былъ, въ полномъ смыслѣ, мѣднолобый нахаль, который, не говоря уже о какой-либо сценической способности, вовсе не понимаетъ, что говорить и дѣлаетъ, отчего, однако, не только не конфузится, но вовсе не обращаетъ вниманія на публику и нисколько не интересуется тѣмъ, съ какимъ чувствомъ она относится къ его варварскому истязанію трагической роли.

Наконецъ, вожделенный пятый актъ трагедіи насталь.

*) Г... былъ ростомъ въ сажень безъ вершка, но очень худощавъ и узокъ въ плечахъ, вслѣдствіе чего и получилъ прозвище: „Боярина Скалки“.

Къ счастью искусства и публики, Волынской заръзалъ дебютанта... Занавѣсъ опустился. Актеры, участвовавшіе въ драмѣ, еще не успѣли закрыть рты отъ удивленія на игру дебютанта, какъ изъ директорской ложи выходитъ на сцену самъ начальникъ репертуарной части и, обратясь ко всѣмъ присутствующимъ, указывая на дебютанта, произнесъ рѣчь, достойную быть вписанной золотыми буквами въ лѣтопись «о дѣяніяхъ театральныхъ администраторовъ и руководителей искусства».

— *Ка... ка... каковъ?! Ну, что вашъ хваленый Каратыгинъ?!..*

Это было сказано не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ... Рты актеровъ, не успѣвшіе закрыться отъ дѣйствій дебютанта, разинулись еще шире отъ разумно-мудрой рѣчи начальника...

Въ этомъ-то начальникъ репертуарной части режиссеръ и встрѣтилъ камень преткновенія своему полномочию... Начальникъ возжелалъ: самъ лично, безъ всякихъ посредниковъ, вести драматическое искусство по пути, если не къ процвѣтанію и славѣ, то къ глубочайшей пропасти и конечной гибели... Между двумя *деспотами*, мало по малу, возстановилась разладица, проявлявшаяся, сначала, въ шпилькахъ, подставляемыхъ другъ другу, а затѣмъ перешла въ полнѣйшую контру, окончившуюся поражениемъ режиссера. Дѣло было такъ: когда *властителю* окончательно поссорились, и вслѣдствіе ссоры воспослѣдовало объясненіе съ директоромъ, но объясненіе не изустное, а (по настоянію начальника репертуарной части) «на бумагахъ», то режиссеръ, въ своей объяснительной запискѣ, имѣлъ неосторожность выразиться такъ: «*Всѣмъ извѣстно, что Е. М. (имя и отчество начальника р. ч.) человекъ недоброжелательный*»... Е. М. ухватился за это выраженіе, увидя

въ немъ камень для своей пращи на поражение противника. Онъ *доложилъ* директору, что намѣренъ **формою суда** потребовать отъ режиссера доказательствъ *взводимого* имъ обвиненія на него (начальника р. ч.), ибо слово: «недоброжелательный» есть *тяжкое обвиненіе*... Всѣ старанія директора примирить враждующихъ не имѣли успѣха: Е. М. соглашался на миръ, лишь съ условіемъ отставки режиссера... Конечъ воспослѣдовалъ тотъ, что режиссеръ, несмотря на то, что былъ полезнѣе дѣлу, нежели начальникъ репертуарной части, подалъ въ отставку.

Глава II.

Режиссеры и ихъ помощники.—Обязанности помощника.—Его большая отвѣтственность при маломъ вознагражденіи.—Шпсари театральнѣй конторы въ должностяхъ машиниста и театр-мейстера.—Режиссеръ Александръ Александровичъ Яблочкинъ.—Его знаніе дѣла и энергія — Римляне, Шведы и Аланы въ испанскихъ сапогахъ.—Постановка пьесы „Русская свадьба“, какъ пробный камень режиссерскихъ способностей А. А. Яблочкина.—Потеря бутафорскихъ вещей.—Талія и Мельпомена русской труппы, переселившіяся въ новый домъ „безсмѣннаго дежурнаго члена“.—А. А. Яблочкинъ—антрепренеръ Тифлисскаго театра.—Убытки, понесенные антрепренеромъ отъ пожара театра.—Переимѣна названія театра изъ „Александринской“ въ „Александринскій“.

Жридцать лѣтъ назадъ, быть режиссеромъ драматической труппы не составляло большого труда. Трудно (можетъ быть) было сдѣлаться имъ, а затѣмъ оставалось только получать жалованье, бенефисъ, *солить*, или покровительствовать актерамъ по своему усмотрѣнію и... *работать на себя за хозяйскимъ тепломъ и освѣщеніемъ*, т. е. хотъ сочинять пьесы на казенной бумагѣ, за казенной лампой. Это не голословіе, а дѣйствительно было такъ, и вотъ почему: тогдашняя труппа была такова, что не только первые и вторые, но третьи сюжеты знали свое дѣло настолько хорошо, что режиссеру не приводилось ни учить ихъ, ни дѣлать имъ какія-либо замѣчанія. Сами-же артисты, въ исполняемыхъ ими пьесахъ, заботились и о *ходѣ* всѣхъ сцещъ, сами распредѣляя *мѣста* и *всѣ движенія*, чтобы каждому дѣйствующему лицу было *ловко*, отъ чего ансамбль и бывалъ всегда удовлетворителенъ. Кромѣ того, при вышеупоминаемомъ режиссерѣ состояло три «по-

мощника»: Алексѣй Александровичъ Краюшкинъ, Иванъ Ивановичъ Руссо и Семень Петровичъ Алексинъ; первый изъ нихъ *правиль* комедіями, второй—трагедіями и драмами, а третій—водевилями и оперетками. Всѣ трое знали и исполняли дѣло въ совершенствѣ. Дѣло-же каждаго помощника режиссера было слѣдующее: для новой пьесы сдѣлать «*монтировку*», т. е. опредѣлить, какія для нея нужны «декораціи», «мебель», а для каждаго дѣйствующаго лица—одежду, обувь, парикъ и такъ называемыя «аксессуары» вещи, какія каждый долженъ имѣть въ карманѣ, или въ рукахъ, напримѣръ: бумажникъ, трость и т. п., словомъ: назначить все до послѣднихъ мелочей. Написавъ «монтировку», помощникъ подавалъ ее своему непосредственному начальнику—режиссеру, дабы и тотъ сдѣлалъ свое дѣло, т. е. подписалъ ее не читая и *далъ ей ходъ*—отправилъ въ контору театровъ для исполненія. Если въ пьесѣ участвуетъ «народъ» или «гости» съ *общими рѣчами*, то при постановкѣ пьесы, на ея репетиціяхъ, дѣломъ помощника режиссера было *проходить* эти рѣчи съ *выходными* актерами, изображающими «народъ» или «гостей», т. е., слѣдя за ходомъ пьесы по книгѣ, *подсказывать* актерамъ, какъ *рѣчи*, такъ и *движенія*, покуда они таковыхъ *не забудутъ*. Въ спектаклѣ-же, во время представленія пьесы, дѣло помощника—*слѣдить* за выходомъ на сцену каждаго дѣйствующаго лица; если-же которое изъ нихъ опоздаетъ, то ответственность за это ложится какъ на опоздавшего, такъ равно и на помощника. Помощникъ-же отвѣчаетъ и за то, если какойнибудь вещи не окажется на сценѣ, несмотря на то, что въ «монтировкѣ» имъ было указано каждой вещи мѣсто и время, а не оказалось ее потому, что «бутафоръ» забылъ положить или поставить таковую. Вотъ почему помощникъ ре-

жиссера и долженъ быть очень внимателенъ и довѣрять только собственнымъ глазамъ; для того, передъ поднятіемъ занавѣса, онъ осматриваетъ все должное быть на сценѣ и, кромѣ того, передъ выходомъ каждое дѣйствующее лицо *опрашиваетъ*: «находится-ли въ его карманахъ то, что должно по монтировкѣ въ нихъ находиться»? Словомъ: во все продолженіе пьесы, помощникъ долженъ быть на ногахъ и, какъ говорится: «*на чуку*». Изъ всего вышесказаннаго видно, что на долю помощника режиссера выпадало: пониманіе дѣла, много трудовъ, еще больше отвѣтственности и... очень-очень мало вознагражденія, сравнительно съ режиссеромъ. Кромѣ того, видно также и то, что быть въ то время режиссеромъ не составляло особенныхъ хлопотъ...

Хотя помощники тѣхъ времянь и знали дѣло въ совершенствѣ, но, однако, это отнюдь не давало имъ права надѣяться сдѣлаться режиссерами. Хотя во всѣхъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ должностяхъ, помощникъ есть кандидатъ на должность того лица, которому онъ служить помощникомъ, но въ театральномъ мірѣ велись свои порядки *особенные*; такъ, во время отлучекъ въ отпускъ режиссера № 1-й, его обязанности исправлялъ всегда помощникъ его А. А. Краюшвинъ, и отсутствіе режиссера никогда не бывало замѣтно; дѣла, или пьесы шли точно такъ-же, если еще не лучше *), какъ въ присут-

*) Пьесы могли идти лучше, потому что исправляющій должность режиссера никогда не дозволилъ-бы себѣ приобѣгать къ подобнымъ фарсамъ, какъ на примѣръ: выкинуть изъ драмы цѣлый актъ за неакою актера. Исправляющій должность въ подобномъ случаѣ замѣнилъ-бы драму какою нибудь другою пьесою, что, конечно, стоило-бы ему громаднѣйшихъ хлопотъ; режиссеръ-же имѣлъ право: не признавать за собою никакого долга, могущаго причинять ему хлопоты.

ствіи режиссера. Однако-жь, когда должность режиссера сдѣлалась вакантною, то на нее былъ опредѣленъ другой, при которомъ А. А. Краюшкинъ отправлялъ опять ту-же скромную и неблагодарную обязанность помощника *). Впрочемъ, въ театральномъ мѣрѣ случалось и не это: при Александринскомъ театрѣ былъ машинистомъ Петръ Ивановичъ Карташевъ, а его помощникомъ, или театр-мейстеромъ, Сергѣй Афанасьевичъ Демиховъ, оба изъ учениковъ знаменитаго Роллера (состоящаго и понынѣ машинистомъ Большаго театра), что и доказываетъ, что оба они понимали дѣло. Когда-же первый изъ нихъ вышелъ въ отставку, а второй умеръ, то, не долго думавши, ихъ должности замѣстили двумя «писарями» изъ театральной конторы... Но возвращусь опять къ режиссерамъ. По сверженіи № 1-го, на его мѣсто поступилъ Александръ Александровичъ Яблочкинъ, актеръ (воспитанникъ петербургскаго театрального училища), много игравшій на провинціальныхъ театрахъ и на нихъ-же имѣвшій большую практику, какъ режиссеръ. Кромѣ пониманія дѣла, онъ отличался необыкновенной энергіей при его исполненіи, и *настойчивостью* въ отношеніи къ начальству. Прежде обыкновенно бывало такъ: при постановкѣ новой пьесы (*капитальной*, составляющей спектакль; о маленькихъ-же и говорить нечего), режиссеръ пишетъ, въ контору театровъ, требованіе о *новыхъ* декораціяхъ, мебели, костюмахъ, обуви и аксессуарныхъ вещахъ; контора-же, съ своей стороны, дѣлаетъ на режиссерскомъ требованіи, противъ каж-

*) А. А. Краюшкинъ въ свое время былъ режиссеромъ театровъ: цирка (нынѣ Маринскій) и Красносельскаго, о чемъ мнѣ придется вспоминать своевременно. Теперь же не буду забѣгать впередъ.

даго требуемаго предмета, твердо заученное предписаніе: «выбрать изъ стараго». И .. кончено: формальность соблюдена, режиссеръ и контора сдѣлали свое дѣло, и могутъ быть совершенно спокойны. Хотя, правда, что обстановка драматическихъ представлений поражала *грязью* и нерѣдко такими курьезными случайностями, какъ напри- мѣръ, въ «Велизаріѣ» — римскіе легіоны и дикіе аланы выходили въ испанскихъ сапогахъ съ раструбами (тѣ-же самыя сапоги красовались и на ногахъ шведовъ, предводи- мыхъ Карломъ XII подъ Полтавою), а литоры, открывающіе триумфальное шествіе передъ колесницею Велиза- рія, смѣшили публику тѣмъ, что на ходу подсказывали, дабы поймать на лету башмаки (замѣняющіе сандали), которые до того были стоптаны и истрепаны, что не могли держаться на ногахъ. Вотъ противъ таковыхъ-то, вышеприведенныхъ предписаній конторы вооружался г. Яблочкинъ *настойчивостію*, и умѣлъ, хотя отчасти, побѣждать оныя, т. е., минуя формальности, онъ разумны- ми доводами, представляемыми лично директору, успѣвалъ получать разрѣшенія если и не на все нужное для пьесы, то, по крайней мѣрѣ, на необходимѣйшее. Какъ на образчикъ режиссерской способности г. Яблочкина, доста- точно указать на пьесу, имъ поставленную, «Русская свадьба», которая своимъ громаднѣйшимъ успѣхомъ и дол- гимъ существованіемъ на репертуарѣ обязана не столько автору, сколько режиссеру. Пьеса, по внутреннему своему содержанію, длинна, суха и безжизненна, выигрывала-же чисто лишь внѣшностію. Декорации, костюмы, аксессуар- ныя вещи—все было новое, вполне соответствующее эпо- хѣ. Хоры были разучены безукоризненно. Кромѣ того: мѣста и расположеніе дѣйствующихъ лицъ, какъ персо- нажей, такъ выходныхъ и хористовъ, въ каждой сценѣ

было *эффектно* и *красиво*, вся пьеса твердо срететована, и потому шла необыкновенно *гладко*. И обо всемъ этомъ позаботился режиссеръ. Словомъ, г. Яблочкинъ сдѣлалъ то, въ чемъ, *по настоящему*, и должна заключаться *настоящая* обязанность *настоящаго* режиссера. Повторяю, что въ г. Яблочкинѣ сильно преобладала настойчивость, приносящая много пользы дѣлу, побѣждая апатичность, или что нибудь и другое, театральной администраціи въ отношеніи къ драматической труппѣ. Такъ, въ его-же (г. Яблочкина) бытность, въ Александринскій театръ было подарено изъ Таврическаго дворца много различной мебели, ковровъ и прочей домашней утвари. Вышло было чье-то распоряженіе—вещи эти спрятать, но режиссеръ *настоялъ*, чтобы онѣ поступили въ бутафорскую Александринскаго театра, какъ подаренныя для его сцены: сцена при извѣстныхъ случаяхъ стала украшаться дворцовой мебелью и коврами, шитыми шелками и золотомъ, хотя при этомъ неизвѣстно также, по чьему распоряженію (въ старину въ хозяйственной части театра не распоряжался развѣ только лѣнливый), мраморныя доски со столовъ были сняты по причинѣ ихъ тяжести и замѣнены, ради легкости, деревянными, расписанными подъ мраморъ до того натурально, что не узнаешь... куда дѣвались настоящія?.. Безъ настойчивости режиссера легко могло статься, что и всѣ бы вещи затерялись, такъ какъ за сценическимъ добромъ строгаго надзора еще не было установлено. Бутафорскія вещи легко могли затеряться, когда затеривались даже и самыя части зданія Александринскаго театра. Въ стѣнѣ этого зданія (обращенной къ Театральной улицѣ) видны и понынѣ два большихъ пустыхъ ниша. Прежде въ этихъ нишахъ помѣшались массивныя фигуры «Таліи» и «Мельпомены». Отъ неизвѣстныхъ причинъ у Мельпомены ска-

тилась голова съ плечъ, т. е. буквально отвалилась, упала на мостовую и разбилась въ дребезги. Въ то-же самое время «безсмѣнный дежурный членъ» при спектакляхъ К., только что женившійся, начиналъ свивать теплое гнѣздышко для своихъ будущихъ птенчиковъ, т. е. строить каменный домишко. «Членъ», освидѣтельствовавъ голову Мельпомены, убѣдился, что она изъ чистаго алебастра, изъ чего и вывелъ слѣдующее точное заключеніе: что если голова Мельпомены алебастровая, то и туловище ея такое-жъ, а такъ какъ Мельпомена и Талія—одного поля ягода, то и послѣдняя должна состоять изъ того-же матеріала, какъ и первая, и что въ обѣихъ почтенныхъ музахъ матеріала должно быть количество препорядочное, и что оный матеріалъ весьма пригоденъ при свивгѣ каменнаго гнѣздышка. Вслѣдствіе таковыхъ выводовъ, членъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: оставить Мельпомену безъ головы не совсѣмъ прилично, представлять-же ей новую голову будетъ изъясно для дирекціи; гораздо раціональнѣе стащить долой и остатки Мельпомены, а чтобы не портить симметрію фасада зданія, то стащить и Талію; для того-же, чтобы онѣ не пропали безъ пользы, слѣдуетъ истолочь ихъ и употребить при постройкѣ своего домишка. Какъ задумано, такъ и сдѣлано, и никто на это не обратилъ вниманія. Съ той поры Александринскій театръ такъ и пробавляется безъ Таліи и Мельпомены... Но обратимся къ режиссерамъ.

А. А. Яблочкинъ оставилъ эту должность для того, чтобы сдѣлаться антрепренеромъ въ Тифлисѣ (гдѣ онъ, во времена своей молодости, бывалъ уже режиссеромъ, о чемъ я говорилъ выше). Принявшійся серьезно за дѣло, положивъ на него свой собственный капиталецъ и удостоясь значительной субсидіи отъ Его Высочества Намѣстника Кавказа,

Александръ Александровичъ повелъ дѣло очень успѣшно, но... пожаръ истребилъ театръ со всѣми принадлежностями, какъ-то: декорациями, костюмами и библиотекою. О дальнѣйшей судьбѣ тифлискаго театра мнѣ неизвѣстно. Но смѣло можно сказать, что если-бы не несчастная случайность, то, при такомъ энергическомъ и способномъ антрепренерѣ, онъ долженъ-бы встать не только *на твердую*, но, пожалуй, и *высокую* ногу.

Въ память своего режиссерства, г. Яблочкинъ оставилъ потомству названіе драматическаго театра, который до того назывался „Александринскимъ“, а по распоряженію г. Яблочкина сталъ (на афишахъ) называться „Александринскимъ“. Второе-же нововведеніе на афишахъ, задуманное тѣмъ-же режиссеромъ, не привилось: онъ началъ-было, вмѣсто исковерканнаго слова „Дивертиссементъ“, писать „Дивертиссманъ“, но почему-то оставилъ. Положимъ, что видѣть французское слово, изображенное русскими буквами, неможно странно, но тогда на это не обращалось особеннаго вниманія. Тогда и на нынѣшнемъ *«комендантскомъ управленіи»* виднѣлась надпись русскими буквами: „Ордонансъ-гаусъ“.

Глава III.

Режиссеръ Евгеній Ивановичъ Вороновъ.—Его строгое отноше-
ніе къ дѣлу.—Затруднительное положеніе режиссера при поста-
новкѣ пьесъ, за немѣнѣемъ декораций, костюмовъ и талан-
товъ.—Режиссеръ, читающій актерамъ лекціи русскаго языка.—
Актриса С—ва, имѣющая дарованіе, безъ всякихъ способностей,
получать жалованье и бенефисы въ продолженіи многихъ лѣтъ.—
„Мелочность и придирчивость режиссера изъ за одной бук-
вы“—по выраженію артиста О—ва.—Честность и нравствен-
ность режиссера.—Его самообразование.—Его безпристрастіе и
уваженіе личностей безъ различія окладовъ.—Его тщетное ста-
раніе улучшить бытъ выходныхъ актеровъ.—Боязнь режиссера
прослыть *взятчиномъ*, заставлявшая его отказываться отъ
спары, предлагаемой актеромъ, получающимъ разовья.—Незло-
памятность режиссера.

Режиссеръ Евгеній Ивановичъ Вороновъ былъ также,
какъ и его предшественникъ, г. Яблочкинъ, воспитан-
никомъ петербургскаго театральнаго училища и актеромъ
драматической труппы. Онъ не обладалъ особеннымъ та-
лантомъ, но играя небольшія роля (преимущественно, ре-
зонеровъ) въ драмахъ и трагедіяхъ, хотя не придавалъ
имъ особенной рельефности, но и ни одной изъ нихъ не
портилъ, благодаря своему уму, добросовѣстному отноше-
нію къ дѣлу и большой—если не учености, то, по край-
ней мѣрѣ, начитанности. Какъ актеръ, онъ имѣлъ большую
практику къ театрѣ-циркѣ, куда была откомандирована
«*молодая труппа*»: тамъ онъ игралъ много ролей изъ ре-
пертуара Петра Ивановича Григорьева и гдѣ *въ первый
разъ въ жизни былъ вызванъ публикою*, за исполненіе роли
солдата, въ водевилѣ-фарсѣ «*Заклдованные медвѣди*», на-

писанномъ однимъ изъ молодыхъ актеровъ, для бенефиса Петра Григорьевича Григорьева, состоявшаго тогда также въ *«молодой труппѣ»*. Впослѣдствіи, бывши уже режиссеромъ, Евгенийъ Ивановичъ, разговаривая съ актеромъ, сказалъ: «мнѣ вашъ водевиль на всю жизнь будетъ памятенъ, потому что въ немъ я впервые удостоился вызова публики».

Сдѣлавшись режиссеромъ, Евгенийъ Ивановичъ отъ вѣренной ему труппы требовалъ такого-же точнаго и честнаго отношенія къ дѣлу, какъ относился къ оному самъ лично. Онъ, прежде всего, строго требовалъ отъ актеровъ твердаго знанія ролей и, кромѣ того, отнюдь не позволялъ перефразировки рѣчей. Въ подобныхъ случаяхъ онъ останавливалъ актеровъ словами: *«постарайтесь говорить такъ, какъ написано у автора, потому что онъ думалъ объ этой фразѣ также, какъ о всей пьесѣ»*. Если-жъ, бывало, актеръ возразитъ, что фраза *«неправильна»*, или *«некрасива»*, то Евгенийъ Ивановичъ успокоивалъ его замѣчаніемъ: *«И! батюшка; за это авторъ и отвѣчаетъ передъ публикою, а наша обязанность — дѣлать то, что угодно автору»*. Таковая точность очень не нравилась актерамъ. По ихъ мнѣнію, это было: *«мелочность»* и *«придирчивость»* (не думаю, чтобы авторы раздѣляли подобное мнѣніе актеровъ), за что режиссера и называли — разумѣется, за глаза — *«формалистомъ»* и *«фельдфебелемъ»*. Евгению Ивановичу, подъ конецъ его управленія, стоила не малаго труда постановка пьесъ такъ, что-бы онѣ шли, по крайней мѣрѣ, сносно. Казалось, что на драматическую труппу дирекція *«махнула рукой»*, не разрѣшая для нея ничего новаго: ни декораций, ни костюмовъ, да кромѣ того, и самая труппа весьма обѣднѣла талантами, изъ которыхъ: одни умерли, другіе вышли въ отставку, хотя въ первыхъ

сюжетахъ (по жалованью, разовымъ и бенефисамъ) недостатка не было.

Евгеній Ивановичъ былъ тѣмъ самымъ режиссеромъ, которому (какъ я упоминалъ выше) нерѣдко приходилось читать актерамъ лекціи русскаго языка.

Такъ, однажды, на репетиціи пьесы: «Ночь на распутии», актеръ М. (считавшійся первокласснымъ) произноситъ слѣдующую фразу:

«Да и стыдно-бы намъ было, князь, *на лады* къ тебѣ прѣхавши, посрамить себя *неразладицей*».

— Стопъ! кричитъ режиссеръ (имѣющей привычку этимъ возгласомъ останавливать совравшаго актера), и подойдя къ г. М., сидящему за столомъ князя, спрашиваетъ:

Что вы сказали?

Тотъ повторилъ фразу изъ слова въ слово. Режиссеръ съ вытянувшимся отъ удивленія лицомъ посмотрѣлъ въ глаза г. М.

— Повторите еще, г. М., говорить онъ измѣнившимся голосомъ.

Господинъ М. съ недовольною миною произноситъ фразу, опять-таки безъ всякаго измѣненія.

— Господинъ М.! восклицаетъ поблѣднѣвшій режиссеръ, вы вовсе не думаете о томъ, что говорите!.. Вѣдь вы говорите безсмыслицу. И затѣмъ режиссеръ продолжаетъ, ударяя на слова: прѣхавши къ князю *на лады*, вы не можете посрамить себя *неразладицей*, потому что *лады* и *неразладица* будетъ одно и тоже. Вамъ слѣдуетъ говорить: посрамить себя *разладицей*.

— Зачѣмъ-же у меня такъ въ роли написано! восклицаетъ съ благороднымъ негодованіемъ г. М., доставая изъ кармана тетрадку, чтобы доказать свою невиновность; но режиссеръ не допустилъ его до представленія веществен-

ныхъ доказательствъ, прошипѣвъ со злостью и презрѣніемъ:

— Стыдитесь, батюшка! Вѣдь вы *называетесь* первымъ артистомъ!.. Кромѣ того, человѣку данъ здравый смыслъ!..

Режиссеру приходилось дѣлать подобныя замѣчанія и инымъ артистамъ; такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, играя Ивана Кольцо, въ драмѣ «Ермакъ», фразу:

„Намъ думу разгадать его—ума не хватитъ!“

несмотря на неоднократныя замѣчанія режиссера, произносилъ всегда такъ:

„Намъ думу разгадать, его ума не хватитъ“, а въ пьесѣ «Наполеоновскій гвардеецъ», тотъ-же артистъ, слово: «аренда», постоянно замѣнялъ словомъ: «арена». Артистка-же С., играя роль Натальи Дмитриевны, въ комедіи «Горе отъ ума», стихъ:

„Все ревматизмъ и головныя боли“
передавала чистою прозою:

„Да у него все голова болитъ“

И настолько была... наивна, что даже не могла понять: *почему стихи передавать своими словами* негодится... Кстати объ этой артисткѣ. Выйдя, много лѣтъ тому назадъ, изъ театральнаго училища, она пробовала свои силы въ водевиляхъ и драмахъ и, какъ въ тѣхъ, такъ и другихъ доказала вполне свою несомнѣнную неспособность, вслѣдствіе чего, ей перестали давать роли. Между тѣмъ, не только жалованье, но даже ежегодный *бенефисъ* давать ей не перестали, даже и до сихъ поръ (теперь она, вѣроятно, близка уже къ пенсіону.) Почему это такъ совершается — рѣшить трудно! Если предположить, что бездарнѣйшая актриса пользуется таковыми правами и преимуществами за заслуги своей сестры, бывшей нѣкоторое время первоклассной артисткой драматической труппы,

тогда почему-же дѣти первокласснѣйшаго артиста Мартынова не пользуются никакими льготами, и даже недавно умершій сынъ его, обладавшій несомнѣннымъ талантомъ, не только не получалъ бенефиса, но былъ совершенно *затертъ*?.. Впрочемъ, сынъ Мартынова — не единственный талантъ, загубленный закулисною махинаціею: ихъ было много!.. Но, объ этомъ въ свое время, а теперь возвращусь къ лекціямъ режиссера.

При репетиціи какой-то комедіи (названія не помню), актеръ О — въ заключилъ свою рѣчь словами:

«Когда я вошелъ, *онъ* не встали».

— Г. О — въ, вы знаете, о комъ это вы говорите? спрашиваетъ режиссеръ.

— Какъ-же-съ, Евгений Ивановичъ, знаю-съ! отвѣчаетъ г. О — въ сладкимъ голосомъ.

— О комъ-же, однако?

— О мужикахъ-съ.

— Ну, такъ, какъ-же вы говорите?.. не то спрашиваетъ, не то восклицаетъ режиссеръ съ недовольною миною.

— Я говорю-съ: когда я вошелъ, *онъ* не встали...

— Эхъ, батюшка! Да вѣдь мужики-то мужчины?

— Такъ точно-съ! отвѣчаетъ г. О — въ съ недоумѣніемъ отъ подобнаго вопроса.

— Ну, такъ и говорите, какъ слѣдуетъ... Но г. О — въ говоритъ, опять-таки, по своему: «когда я вошелъ, *онъ* не встали...» Тогда мѣра режиссерскаго терпѣнія переполнилась.

— О, Азія! произноситъ онъ шепотомъ, а затѣмъ громко, отчеканивая слова, внушаетъ господину О — въ слѣдующее:

— *Онъ* — говорится о женщинахъ, а о мужчинахъ, какъ о дворянахъ, такъ и о мужикахъ, всѣ люди *грамотные*

обязаны говорить: *они*. Пожалуйста, запомните это на всю жизнь, г. О—въ.

Не знаю, запомнилъ-ли это на всю жизнь г. О—въ, но въ тотъ-же день, вечеромъ, въ уборной, гдѣ обыкновенно происходило *бокомытіе* отсутствующимъ сослуживцамъ вообще, а всѣми сослуживцами вообще режиссеру, въ особенности, г. О—въ сѣтоваль на Воронова за его «мелочность» и «придирчивость» изъ-за одной ничтожной буквы...

Евгеній Ивановичъ, какъ человѣкъ, былъ безукоризненной честности и строгой нравственности. По выходѣ изъ училища, онъ велъ жизнь скромную, отказывая себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ, или, лучше сказать, находилъ удовольствіе единственно въ самообразованіи, т. е. въ чтеніи серьезныхъ, дѣльныхъ книгъ и даже въ изученіи нѣкоторыхъ иностранныхъ языковъ. Онъ свободное время отъ службы почти все проводилъ въ публичной библіотекѣ. Характеръ имѣлъ серьезный, ровный и невозмутимый, пока былъ актеромъ; сдѣлавшись-же режиссеромъ, въ особенности подъ конецъ службы, когда его здоровье (вслѣдствіе чахотки) сильно разстроилось, онъ сдѣлался очень желченъ и раздражителенъ, и иногда эта раздражительность проявлялась довольно комично. Напримѣръ, передъ началомъ послѣдней репетиціи какой-то большой драмы, подходитъ къ режиссеру актеръ Семеновъ (бывшій занятымъ на выходѣ) и говоритъ:

— Евгеній Ивановичъ, увольте меня сегодня отъ репетиціи.

Евгеній Ивановичъ вспыхнулъ.

— Что вы, батюшка, отъ генеральной-то репетиціи?!.. Нельзя!.. нельзя!..

— У меня отецъ умираетъ...

— Ну, такъ! восклицаетъ внѣ себя режиссеръ. У васъ

вѣчно, г. Семеновъ, какъ новая пьеса, такъ и пойдутъ отцы умирать!..

Къ чести покойнаго Евгенія Ивановича должно сказать, что онъ былъ совершенно чуждъ правилъ своихъ предшественниковъ-режиссеровъ: *солить* однимъ и *покровительствовать* другимъ. Онъ со всѣми былъ одинаковъ, умѣлъ уважать личность каждаго, не соображаясь съ получаемыми окладами. Со всѣми одинаково былъ вѣжливъ. Впрочемъ, справедливость заставляетъ сказать, что у Евгенія Ивановича былъ свой отчасти особенный взглядъ на вѣжливость. А именно: кто относился къ исполненію своихъ обязанностей *внимательно* и *строго*, мужчина или женщина (безъ различія ранговъ), тотъ и отъ Евгенія Иванова пользовался особенною внимательностію; таковыхъ онъ *официально* (т. е. во время репетицій, иногда въ присутствіи высшихъ театральныхъ властей) называлъ всегда, хотя-бы то были *выходной* или *выходная*, не иначе какъ *по имени и по отчеству*. Напротивъ-же: актеръ или актриса *первоклассные* (хотя по самоиѣнью или по окладу), если позволяли себѣ небрежность къ дѣлу, назывались имъ всегда *по фамилии*. И замѣчательно было то, что при обращеніи къ тѣмъ и другимъ, даже интонація его голоса бывала совершенно различна. Что и доказывало, насколько онъ не переваривалъ неуваженія къ искусству или къ своимъ обязанностямъ...

Хотя Евгеній Ивановичъ никогда не старался казаться непогрѣшимымъ христіаниномъ, и даже многими считался за человѣка черстваго и несочувствующаго, но когда начальство, въ видахъ экономіи, соревнуя интересамъ казны, возжелало уменьшить штаты театровъ и разослало къ режиссерамъ всѣхъ труппъ предписаніе о подачѣ списковъ: что изъ актеровъ можетъ быть уволенъ отъ должности

безъ ущерба для искусства (само собою, что такое распоряженіе долженствовало было обрушиться лишь на меньшую братію, что и воспослѣдовало во всѣхъ труппахъ, кромѣ драматической), тогда Евгений Ивановичъ отрапортовалъ по начальству, что въ персоналѣ ввѣренной ему труппы если и имѣется излишекъ, то развѣ въ первомъ сюжетѣ; что-же касается сюжетовъ втораго и третьяго, то въ нихъ ощущается большой недостатокъ, чему доказательствомъ привелъ то, что, при постановкѣ драмъ и трагедій съ многими дѣйствующими лицами, онъ находится вынужденнымъ многимъ изъ актеровъ назначать по нѣсколько ролей въ одной и той-же пьесѣ. Таковъ былъ рапортъ режиссера officialный; частнымъ-же образомъ онъ высказывался такъ, что *если настоящую драматическую труппу уволить всю сполна, то искусство не понесетъ ни малѣйшаго ущерба*; но указывать на отдѣльныя личности изъ мелкихъ актеровъ для увольненія, онъ никогда не рѣшится, такъ какъ они, т. е. актеры и актрисы, вовсе не виноваты, что ихъ продержавъ въ училищѣ до совершеннолѣтія, причемъ со многихъ изъ нихъ брали еще плату за *воспитаніе, и ничему не выуча* выпустили *выходными*, съ жалованьемъ, едва хватающимъ на хлѣбъ. Уволить-же ихъ отъ службы—значить, лишить и послѣдняго куска хлѣба, и что онъ (Вороновъ) никогда не пожелаетъ, да и не посмѣетъ взять на себя такого грѣха. Для того-же, чтобы наглядно убѣдить дирекцію, что и «выходные» актеры не даромъ берутъ свое скудное жалованье, Евгений Ивановичъ ввелъ въ употребленіе выставлять на афишахъ фамиліи участвующихъ «на выходъ». А при годовомъ отчетѣ о дѣятельности труппы, подавалъ вѣдомость и о томъ, сколько разъ каждый изъ «выходныхъ» былъ занятъ въ продолженіи истекшаго сезона. Онъ пытался было улучшить положеніе «выход-

ныхъ» актеровъ, для чего нѣсколько разъ и подавалъ рапорты о ихъ трудахъ, ходатайствуя объ увеличеніи окладовъ, представляя на видъ начальству, что они (актеры), бывая заняты почти ежедневно, утромъ и вечеромъ, не имѣютъ возможности заниматься какимъ-либо побочнымъ дѣломъ, чтобы увеличивать свои доходы, а что на получаемые отъ казны не только *«четырнадцать рублей съ полтиною»*, но даже и *«на семнадцать рублей шестьдесятъ копѣекъ»*, при настоящей дороговизнѣ существовать невозможно! Но на всѣ таковыя рапорты режиссера, отъ ближайшаго начальства получался одинъ отвѣтъ: *«нужно подождать!»* (чего?—не знаю!). Тогда Евгенийъ Ивановичъ совѣтовалъ актерамъ подавать лично прошенія, онъ-же, съ своей стороны, на тѣхъ прошеніяхъ *свидѣтельствовала*, что просящій вполне заслуживаетъ просимаго. Многіе воспользовались совѣтомъ режиссера (но большинство поступило благороднѣе, т. е. не изводило по пустому бумагу на прошенія, а махнуло рукой на свою горе-долю); однако-жь, и каждый изъ просящихъ удостоивался того-же отвѣта: *«нужно подождать»*, а затѣмъ, подававшіе прошенія или умирали, или, прослуживъ узаконенное число лѣтъ, выходили *«на покой»*, *ничего не дождавшись*.

Выше я сказалъ о безукоризненной чести Евгения Ивановича. Въ этомъ отношеніи онъ былъ, даже, ужъ черезчуръ щекотливъ. Изъ боязни, чтобы его не заподозрили *во взяточничествѣ*, онъ избѣгалъ мельчайшихъ услугъ и одолженій отъ актеровъ, получающихъ *разовыя*. Однажды на репетиціи, сидя въ уборной, гдѣ актеры собирались курить, Евгенийъ Ивановичъ обратился къ одному изъ медкихъ актеровъ (состоявшему комиссіонеромъ при торговомъ домѣ) съ вопросомъ:

— Нельзя-ли мнѣ, чрезъ васъ, приобрести трость *по-прочитѣ* и *подешевле*?

— Нѣтъ, Евгений Ивановичъ, отвѣчалъ тотъ; у насъ трости только франтовскія, а вѣдь вамъ нуженъ посошокъ.

— Евгений Ивановичъ! сказалъ тутъ-же находившійся П. П. Пронскій (получавшій разовья), я завтра-же доставлю вамъ отличнѣйшую изъ настоящаго камыша...

— И, батюшка! куда мнѣ изъ настоящаго камыша!... Слишкомъ дорого!.. отвѣчалъ Евгений Ивановичъ.

— Я предлагаю не за деньги... а прошу принять такъ...

— И, и—нѣтъ, нѣтъ!.. поспѣшно перебилъ его рѣчь, замахавъ руками, какъ-бы испугавшійся Евгений Ивановичъ.

— У меня, вѣдь, тростей много... цѣлая коллекція... настаивалъ П. П. Пронскій.

— Такъ и не надо ее разрознивать... Нѣтъ, нѣтъ!.. благодарю!.. благодарю!..

— Ахъ, вспомнилъ! вдругъ воскликнулъ комиссіонеръ. Евгений Ивановичъ, я вамъ подарю отличную трость, прездоровенную, настоящаго японскаго бамбука. Только вамъ нужно будетъ пожертвовать немножко денегъ на наболдашникъ и наконечникъ.

— Откуда-жь у васъ такая? спрашиваетъ Евгений Ивановичъ.

— Мнѣ знакомый монахъ привезъ изъ Японіи метлу для чистки ковровъ. А такъ какъ у меня ковровъ нѣтъ, стало быть, и чистить нечего. Такъ я завтра-же вамъ доставлю...

И Евгений Ивановичъ не счелъ нужнымъ отказываться, понимая, что мелкому актеру въ режиссерѣ заискивать нечего, поэтому и подарокъ его не можетъ быть истолко-

ванъ *взяткою*. Евгений Ивановичъ, ни мало не колеблясь, отвѣчалъ:

— Вотъ и спасибо!

На другой день, доставя режиссеру японскую метлу, актеръ при этомъ предложилъ ему еще въ подарокъ (какъ рѣдкость) нѣсколько штукъ японскихъ монетъ. Евгений Ивановичъ былъ очень доволенъ подаркомъ, но взялъ монеты только *мѣдныя*, отъ *серебряныхъ-же* отказался наотрѣзъ, ссылаясь на то, что ихъ всегда можно продать. (Серебряныхъ монетъ было всего штуки три — четыре, на половину меньше и тоньше серебрянаго пяточка). Тростью же онъ былъ очень доволенъ; даже, когда она, долгое время спустя, разкололась, — онъ ее не бросилъ; но, скрѣпивъ различными скобочками и винтиками, продолжалъ ходить съ нею до конца своей службы, слѣдовательно и жизни.

Та-же осторожность, или, правильнѣе: боязнь одолжаться *первачами* заставляла Евгения Ивановича отказываться даже отъ предлагаемой ему сигары. Какъ-то въ уборной онъ закурилъ свою сигару (при чемъ всегда распространялся запахъ, напоминающій нѣчто среднее между махоркой и горящей тряпкою *).

— Что это за сигара? спросилъ одинъ изъ первачей, сморща носъ.

— Это фабрики Тараканова.

— Что-жъ такія стоятъ?

— Девять копѣекъ десятокъ, отвѣчалъ, не обинуясь, Евгений Ивановичъ, съ наслажденіемъ потягивая свой *кло-*

*) Е. И. Вороновъ курилъ сигары самаго низшаго сорта. *Шутники* говорили, что отъ запаха этихъ сигаръ дохнуть клопы; отъ чего сигары и извѣстны въ продажѣ подъ этикетомъ: „смерть клопамъ!“

поморь, который отъ жара трещалъ, развертывался съ горящаго конца и распускался на подобіе махровой розы.

— Но развѣ-жъ можно курить такую мерзость? воскликнулъ первачъ.

— Всю жизнь курю. Привыкъ ужъ.

— Вотъ, попробуйте сигару, продолжалъ первачъ, вынувъ изъ серебрянаго портсигара великолѣпный трубокосъ и предлагая его режиссеру. Но тотъ со страхомъ пятился отъ трубкаса.

— И, батюшка, куда мнѣ такія?..

— Вы попробуйте, что это за сигара.

— Что-жъ ее портить, — я въ ней ничего не пойму... Мнѣ былъ-бы дымъ, такъ и довольно, причитывалъ Евгений Ивановичъ, не зная чѣмъ отговориться.

— Да вы только закурите, такъ сейчасъ поймете разницу, настаивалъ первачъ.

— Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ: пожалуй, послѣ вашей, мои перестанутъ мнѣ нравиться, порѣшилъ Евгений Ивановичъ тономъ, не допускающимъ возраженій, и «*нитъ болле клоповъ*» затрещалъ и задымился, въ его устахъ, сильнѣе прежняго...

Впрочемъ, это мелочи. Но въ жизни Евгения Ивановича былъ случай, выяснившій его вполнѣ *человѣкомъ*, надъ которымъ *не преобладалъ режиссеръ*. Дѣло было такъ: однажды актеръ В., занятый на «выходъ» въ драмѣ: «Любовь и предразсудокъ», обратился къ режиссеру съ просьбою: нельзя-ли его уволить на этотъ разъ отъ участія въ драмѣ? Надо сказать, что актеръ В. былъ всегда на счету *исправныхъ*, вслѣдствіе чего и пользовался вниманіемъ режиссера; словомъ, былъ одинъ изъ тѣхъ, которые пазывались *по имени и отчеству*. Къ несчастію, въ этотъ день режиссеръ былъ нездоровъ, а потому и раздражителенъ.

— Нельзя! сурово отвѣтилъ онъ на просьбу актера.

— Почему же нельзя?

— Потому что вы всегда тутъ были заняты!.. Нужно исполнять свои обязанности! воскликнулъ режиссеръ раздражительно.

На бѣду актеръ оказался также раздражителенъ *не по жалованью*, и, забывая свой *рангъ*, имѣлъ, тоже, претензію на самоуваженіе. Лице его поблѣднѣло и брови нахмурились; однако-жъ, стараясь владѣть собою, онъ продолжалъ:

— Въ этой пьесѣ обязанность моя не велика, ее можетъ исполнить, даже, бутафоръ...

— Не разсуждать! закричалъ режиссеръ, удара кулакомъ по столу.

Тутъ ужъ и актеръ *лопнулъ*: онъ хватилъ по столу еще сильнѣе (такъ какъ былъ здоровякъ-мужчина) и заревѣлъ на всю канцелярію:

— Какъ *ты* смѣешь кричать на меня?! Что я *тебѣ*, что-ли, служу?!.. И вышедшій изъ себя актеръ заговорилъ совсѣмъ не цензурно.

— Господинъ В.!.. господинъ В.! вы съ ума сошли!.. восклицалъ изумленный режиссеръ. Но, видя, что господинъ В. продолжаетъ монологъ все въ томъ-же тонѣ, режиссеръ вышелъ изъ комнаты. И поступилъ весьма благо-разумно: потому что В. разозлился, что называется, до безпамятства.

Товарищи очень жалѣли В. (оно всеми былъ любимъ за его честный и прямой характеръ): отставка его казалась имъ несомнѣнною. Всѣ были увѣрены, что на другой-же день режиссеръ подастъ рапортъ о происшествіи, и В. непременно будетъ уволенъ отъ должности, за оскор-

бленіе режиссера (тѣмъ болѣе, что оскорбленіе было нанесено при всѣхъ капельдинарахъ труппы).

Самъ В. также не сомнѣвался въ своей отставкѣ, чему доказательствомъ служило то, что онъ не только *не исполнилъ своей обязанности*, въ тотъ вечеръ, въ драмѣ «Любовь и предразсудокъ», но и на другой день, хотя занятъ былъ не на «выходъ», а игралъ роль—онъ вовсе не явился въ театръ.

Прошло нѣсколько дней. В. зашелъ на репетицію подвѣяться съ товарищами. Вдругъ подходитъ къ нему Евгенийъ Ивановичъ, здороваётся (назвавъ по имени и отчеству) и начинаетъ разговаривать такимъ тономъ, какъ будто-бы между ними ничего не произошло.

Оказалось, что рапорта о происшествіи не подавалось.

Съ тѣхъ поръ, какъ В., такъ и еѣ товарищи, больше прежняго стали уважать Евгенія Ивановича, какъ *человѣка*. Зная хорошо *вороновскую* натуру, они этотъ его поступокъ поняли и истолковали такъ: Евгенийъ Ивановичъ, какъ честный и благоразумный человѣкъ, успокояся послѣ ссоры съ В., рассудилъ, что онъ самъ лично подалъ къ ней поводъ. И что, хотя В. и оскорбилъ его, но мстить ему за это Евгенийъ Ивановичъ считаетъ безчестнымъ. А въ силу такого истолкованія, они и признали Воронова *режиссеромъ особаго сорта*, т. е. *неспособнымъ солить ближнему своему*.

Глава V.

Режиссеръ Алексѣй Александровичъ Краюшкинъ. — „Молодая труппа“ на сценѣ „Маринскаго театра“, преобразованнаго изъ театра-пирка. — Г-жи Оедорова и Натарова — замѣчательныя наѣздницы изъ воспитаницъ театральнаго училища. — Красносельскій театръ. — Его основатель Николай Петровичъ Синельниковъ. — Что послужило поводомъ къ основанію этого театра. — Необычайная скорость, прочность и дешевизна постройки театра. — Закулисные порядки Красносельскаго театра. — Н. П. Синельниковъ — образцовый директоръ и радушный хозяинъ. — Открытіе Красносельскаго театра (3 Юля 1851 г.) въ присутствіи Государя Императора и всей Августѣйшей фамиліи. — Эффектъ, произведенный стихами, сочиненными и пропѣтыми Петромъ Ивановичемъ Григорьевымъ. — А. А. Краюшкинъ — первый режиссеръ Красносельскаго театра. — Какъ проводился день актерамъ, занятыми въ Красносельскомъ театрѣ. — Внимательность Н. П. Синельникова съ актерамъ. — Необыкновенное путешествіе верхомъ актера В. П. В.—ва. — Домики, построенныя для актеровъ въ театральномъ паркѣ. — Н. П. Синельниковъ получа иное назначеніе по службѣ, оставляетъ управленіе театромъ. — Концертъ въ пользу полковыхъ театральныхъ музыкантовъ. — Прощальный ужинъ. — Благодарность Н. П. Синельникову, выраженная сичаами и поѣздками. — Директоры Красносельскаго театра: Михайлъ Матвѣевичъ Ефимовичъ, Гаврило Антоновичъ Оедоровъ и Константинъ Михайловичъ Ушаковъ. — Иные порядки въ управленіи театромъ и по хозяйственной части. — Отмѣна всѣхъ *удовольствій*, доставляемыхъ актерамъ во времена Н. П. Синельникова. — Раздача актерамъ *кормовыхъ* денегъ. — Вниманіе гг. офицеровъ къ актерамъ. — Неумѣнье актеровъ пользоваться этимъ вниманіемъ. — Деликатное приглашеніе „*уволить отъ поспешій*“.

Жогда вышепомянутый полновластный деспотъ-режиссеръ, замѣчательный оригинальностію костюма и дѣйствій, былъ свергнутъ своимъ противникомъ начальникомъ пертуарной части, не менѣе замѣчательнымъ оригинальностію понятія и взгляда на сценическое искусство, тогда режиссеромъ былъ утверждёнъ Алексѣй Александровичъ Краюшкинъ.

На долю этого режиссера выпало: принимать непосредственное участие въ двухъ замѣчательныхъ событіяхъ театральнаго міра.

Во-первыхъ, онъ былъ назначенъ режиссеромъ *молодой труппы*, отдѣленной изъ общей драматической, на сцену Маринскаго театра, преобразованнаго изъ театра-цирка *), а во-вторыхъ, былъ режиссеромъ и вновь утвержденного театра въ Красномъ Селѣ. Театръ-циркъ былъ выстроенъ по Высочайшему повелѣнію, для труппы вольтижировъ, подъ дирекціею Лежара, принятыхъ на Императорскую службу. Въ труппу цирка допускались и *охотники* изъ воспитанниковъ и воспитанницъ театральнаго училища, изъ числа которыхъ выработались двѣ замѣчательныя наѣзницы, г-жи Федорова и Натарова. Первая изъ нихъ въ послѣдствіи была довольно замѣтною драматическою актрисою. Натаровой же до того нравилось наѣзничество, что, несмотря на двукратный переломъ ноги, при паденіи съ лошади, она не хотѣла оставлять искусства и отказалась отъ него лишь по случаю упраздненія труппы вольтижировъ.

Ни отличѣйшій составъ труппы, ни блистательныя постановки представленій, не могли привязать публику; она, мало-по-малу, охладѣла къ цирку до того, что труппу его пришлось распустить. Тогда театр-циркъ былъ передѣланъ для драматическихъ представленій и названъ Маринскимъ театромъ, въ которомъ стали давать свои представленія труппы: русской оперы, нѣмецкой драматической и вышеупомянутой «молодой русской драматической».

На «молодую» труппу возлагались было надежды, или,

*) По переводѣ А. А. Краюшкина въ молодую труппу, мѣсто его въ александринской труппѣ было занято А. А. Яблочкинѣмъ.

правильнѣе сказать: сама молодежь надѣялась работать и проложить себѣ дорогу на отдѣльной сценѣ, такъ какъ репертуаръ Александринскаго театра находился въ полномъ владѣніи немногихъ изъ *старыхъ* актеровъ, которые, забравъ роли, своего амплуа, крѣпко держали ихъ, не допуская молодежи даже до установленнаго «театральнымъ уложеніемъ» — дублерства. Однако-жъ «молодая» труппа дала небольшіе результаты: изъ ея состава на широкую дорогу (въ отношеніи окладовъ) вышли только двое: гг. Зубровъ и Бурдинъ; остальные остались тѣмъ-же, чѣмъ были и въ старой труппѣ.

Красносельскій театръ возникъ по идеѣ, бывшаго тогда дежурнымъ штабъ-офицеромъ штаба, полковника Николая Петровича Синельникова *).

Поводомъ-же къ этому послужило слѣдующее обстоятельство:

6-е Августа, день Преображенія Господня, считается праздникомъ всѣхъ гвардейскихъ корпусовъ. Въ 1850 году, въ этотъ день, въ лагеряхъ находились иностранные царственные гости. Николай Петровичъ Синельниковъ, вечеромъ, на озерѣ, гдѣ находится офицерская ванна, сжегъ *сюрпризомъ*, и съ тѣмъ вмѣстѣ устроенный экономическимъ образомъ, «*блистательный*» фейерверкъ, вслѣдствіе котораго на берегахъ озера устроилось импровизованное гулянье, на которомъ изволили присутствовать покойный Государь Императоръ Николай Павловичъ и Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, вмѣстѣ со своими Высочайшими гостями. Гулянье вышло очень оживленное и веселое, за которое, по его окончаніи, Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ милости-

*) Нынѣ генералъ отъ кавалеріи и сенаторъ.

во благодарить Николая Петровича; причежь Его Высочество подалъ ему руку и сказалъ:

— Спасибо за доставленное удовольствіе моимъ офицерамъ. Нельзя-ли что нибудь придумать, чтобы могло постоянно доставлять имъ разлеченіе; такъ, чтобы они не скучали во время лагерей? Подумай объ этомъ.

Николай Петровичъ поклонился. И съ той-же минуты началъ онъ думать и придумывать, чтобы могло доставить офицерамъ постоянное развлеченіе?..

Думалъ, думалъ, и, наконецъ, остановился на *театръ*. Но встрѣтилось маленькое затрудненіе... Хотя Николай Петровичъ, всегда былъ не только любителемъ, но и знатокомъ сценическаго искусства, однако-жь антрепренерскихъ способностей въ себѣ не признавалъ, т. е. ему все не было знакомо *веденіе театральнаго дѣла*, такъ сказать: *закулисная махинація театра*...

Въ затруднительномъ положеніи Николаю Петровичу явилась неожиданная помощь въ лицѣ Якова Григорьевича Брянскаго.

Дѣло было такъ. Вскорѣ послѣ фейерверка на озерѣ, Николай Петровичъ, только что возвратился домой, находясь подъ впечатленіемъ неоставлявшей и томившей его думы о театрѣ, какъ, вдругъ, ему докладываютъ объ «актерѣ Брянскомъ». Николай Петровичъ, не мало удивился такому визиту, такъ какъ до тѣхъ поръ онъ не былъ знакомъ съ Яковомъ Григорьевичемъ.

Оказалось, что Яковъ Григорьевичъ явился къ Николаю Петровичу съ просьбою, о переводѣ сына своего съ Кавказа въ Петербургъ. Николай Петровичъ обѣщалъ сдѣлать все, что отъ него зависитъ, и... въ свою очередь, обратился къ Якову Петровичу за совѣтомъ касательно устройства театра.

Яковъ Григорьевичъ, которому дѣло это было хорошо знакомо, разъяснилъ его и Николаю Петровичу, причѣмъ далъ много дѣльныхъ и полезныхъ совѣтовъ. Въ заключеніе-же сказалъ:

— Приступайте смѣло къ этому полезному и доброму дѣлу. Дороговизны не бойтесь... Вѣрьте, что всѣ наши сценическія роскоши и расписанныя кулисы, которыми мы морочимъ публику, малюются часто на тряпкахъ, бывшихъ много лѣтъ въ употребленіи, и стоятъ не дорого. Что-же касается до опасеній, что артисты Императорской труппы будутъ неохотно ѣздить въ Красное Село, то для этого нужно только смотрѣть на нихъ, не какъ на комедіантовъ для потѣхи, а какъ на людей, старающихся съ театральныхъ подмостковъ и вамъ давать уроки жизни...

Получивъ своей идеѣ всемилостивѣйшее одобреніе Государя Наслѣдника, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ—употребить на ея осуществленіе деньги изъ экономическихъ суммъ, Николай Петровичъ,—хотя и занятый весьма сложными обязанностями по службѣ, но при горячемъ сочувствіи къ его трудамъ гг. частныхъ начальниковъ войскъ,—обладая все превосмогающими энергією и усердіемъ—приступилъ къ постройкѣ театра позднею осенью 1850 года, а въ Маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1851 года, недалеко отъ озера, на бывшемъ, до того времени, чистомъ полѣ, возникъ не только театръ, но и довольно обширный паркъ, простиравшійся отъ театра до озера, на берегу котораго былъ построенъ просторный и красивый павильонъ, а противъ него, на озерѣ, находилась большая ванна.

Не смотря на то, что постройка театра производилась неимоვნю быстро, она оказалась очень солидною, чему доказательствомъ служить «двадцатисемилѣтнее существованіе театра, не смотря на то, что впоследствии къ нему

былъ прибавленъ еще ярусъ ложъ, чего не имѣлось въ виду, ни у строителя театра, ни у архитектора *). Театръ (на каменномъ фундаментѣ и подъ желѣзною крышею) имѣлъ наружный видъ, хотя довольно скромный, но красивый, по внутренней-же отдѣлкѣ весьма замѣчательнъ и эффектенъ: стѣны зала были покрыты бѣлыми подъ мраморъ обоями, съ золотыми украшеніями, на барьерахъ ложъ, изображающихъ военныя арматуры, особенный эффектъ производила люстра, въ видѣ парящаго орла, держащаго когтями на цѣпяхъ большой лавровый вѣнокъ, въ которомъ помѣщались лампы. Зало, кромѣ партера, имѣло бенуары и одинъ ярусъ ложъ, посреди котораго помѣщалась Императорская, устроенная, со всеми аксессуарами, по образцу ложи Михайловскаго театра, извѣстнымъ фабрикантомъ Туромъ. На передней занавѣси изображался красносельскій лагерь, раннимъ утромъ, съ восходящимъ солнцемъ надъ ставкою Государя Императора (видъ былъ взятъ съ штабной горы, изъ Краснаго Села, и исполненъ съ натуры извѣстнымъ художникомъ, машинистомъ и декораторомъ Большаго театра, г. Роллеромъ; имъ же были написаны и декорации для сцены). Относительно прочности, театръ былъ свидѣтельствованъ особою комиссіею и найденъ безукоризненнымъ.

Постройка теара обошлась всего до *деяти* тысячъ рублей. При чемъ надо замѣтить, что мастеровымъ, хотя они были и отъ войскъ, производилась задѣльная плата. Тутъ не лишне упомянуть, что починъ пересадки большихъ деревьевъ принадлежитъ также Николаю Петровичу. Въ прежнія времена, при разводкѣ садовъ, обыкновенно сажались

*) Театръ строилъ архитекторъ г-нъ Сычевъ (нынѣ тайный совѣтникъ).

лишь молодья деревца въ полтора, или много—два аршина вышиною. Такъ, напримѣръ, я хорошо помню, что Александровскій паркъ (за крѣпостью), въ началѣ своего существованія, казался полемъ, утыканнымъ розгами. Но Николай Петровичъ распорядился иначе: онъ вздумалъ создать паркъ, который, съ перваго-же лѣта, могъ-бы защищать гуляющихъ отъ солнечной жары—своею тѣнью. Задумано и—сдѣлано. Паркъ засаживался деревьями въ нѣсколько сажень вышиною и вершковъ пяти-шести въ диаметрѣ, которыя всё до одного принялись...

Николай Петровичъ былъ того убѣжденія, что съ помощію солдатъ можно сдѣлать *все*. Такъ, однажды, на чье-то замѣчаніе, что для успѣшнаго хода пьесъ необходимы нѣкоторыя административныя лица, для разныхъ закулисныхъ распоряженій и исполненій, Николай Петровичъ отвѣчалъ, что это лишнее, что для успѣшнаго хода пьесъ необходимы лишь *хорошіе артисты*, распорядиться-же онъ сумѣетъ самъ, а остальное, добавилъ онъ, «*у меня все сдѣлаютъ солдаты*». На возраженіе-же противъ этого, сказалъ такъ:

— Э! батюшка, русскій солдатъ сумѣетъ все, что ему велятъ!..

А такое свое мнѣніе о способностяхъ солдата онъ доказалъ на дѣлѣ: ни въ одномъ изъ Императорскихъ театровъ не бывало такого порядка за кулисами, какъ въ Красносельскомъ театрѣ: перемѣна декораций, уборка сцены, производились быстро, безъ всякой суеты и въ глубочайшей тишинѣ. Кромѣ того, лицамъ, не принадлежащимъ къ театру, входъ за кулисы не дозволялся, что также не мало способствовало порядку.

Николай Петровичъ былъ директоромъ *образцовымъ*; такъ какъ принималъ на себя эту обязанность не только по на-

значенію Его Высочества Государя Наслѣдника, но и по собственному призванію, то и исполнялъ ее съ любовью и глубокимъ пониманіемъ дѣла. Кромѣ пониманія дѣла, Николай Петровичъ съумѣлъ, съ необыкновеннымъ тактомъ, обставить его такъ, что оно вовсе не казалось *судимъ, казеннымъ дѣломъ*: актеры вовсе не замѣчали, что они являлись «отбывать службу», «давать представленія», «по обязанности—за плату». Нѣтъ, они считали себя гостями, и въ Николаѣ Петровичѣ видѣли не «директора», или «антрепренера», а самого радушнѣйшаго и внимательнѣйшаго хозяина...

Въ первые годы существованія Красносельскаго театра, спектакли на немъ давались довольно часто, по три и по четыре раза въ недѣлю. Сборы бывали всегда полные, такъ какъ всѣ мѣста абонировались, и даже директору театра приводилось заботиться опредѣлять абонементъ каждаго лица не по его желанію, но по собственному соображенію, дабы имѣть возможность удовлетворить всѣхъ желающихъ абонироваться. Посѣтители театра состояли единственно изъ гг. военныхъ и ихъ семействъ. *Посторонніе* зрители не допускались *), почему, въ то время, и афишъ о красносельскихъ спектакляхъ въ городѣ не выставляли.

Каждый спектакль Красносельскаго театра, по составу зрителей, наполнявшихъ залъ, казался какимъ-то торжественнымъ спектаклемъ: въ ложахъ помѣщались дамы, а

*) Извѣстнѣйшій въ то время театраль П. И. П. (внукъ богатѣйшаго сахаровара) просилъ своихъ пріятелей-актеровъ хлопотать ему разрѣшеніе директора абонироваться на кресло, за что онъ изъяслялъ готовность платить *три тысячи* рублей въ дѣло. Но, какъ кажется, ни одинъ актеръ не рѣшился ходатайствовать объ этомъ передъ Николаемъ Петровичемъ.

въ первыхъ рядахъ кресель—лица, преимущественно, въ генеральскихъ эпюлетахъ; въ остальныхъ-же рядахъ виднѣлись эпюлеты оберъ-офицерскіе. Иногда, случалось даже, что въ первомъ ряду кресель помѣщались Его Величество Государь Императоръ и другія лица Высочайшей фамиліи.

Второго Іюля 1851 г., Его Высочеству Цесаревичу благоугодно было осмотрѣть зданіе театра, пригласивъ къ осмотру гг. частныхъ начальниковъ войскъ, находившихся въ лагерѣ. Театръ былъ освѣщенъ, какъ во время представленія, и оркестръ исполнилъ гимнъ: «Боже Царя храни». Его Высочество изволилъ остаться весьма довольнымъ устройствомъ театра и въ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ Николая Петровича и нѣкоторыхъ гг. частныхъ начальниковъ, особенно содѣйствовавшихъ устройству театра.

На другой-же день, третьяго Іюля, было первое представленіе, въ присутствіи Государя Императора Николая Павловича, Наслѣдника Цесаревича и лицъ Императорской фамиліи.

Государь Императоръ, войдя въ свою ложу и увидавъ партеръ, наполненный исключительно гвардейскими офицерами, при эффектномъ украшеніи зала, былъ пріятно изумленъ. Оркестръ привѣтствовалъ Государя народнымъ гимномъ, а всѣ присутствующіе—восторженными криками «ура!». Театромъ Государь Императоръ изволилъ остаться совершенно доволенъ, былъ веселъ и за все милостиво благодарилъ Николая Петровича. Потомъ, Государь изволилъ войти въ партеръ и занять свои кресла. Нужно ли говорить о восторженныхъ крикахъ «ура» гг. присутствующихъ, увидавшихъ Государя сидѣвшимъ среди нихъ въ партерѣ.

По окончаніи первой пьесы, Государь изволилъ осматривать сцену и, при перемѣнѣ декорацій, совершающейся